

Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,
С змеею в сердце и с клеймом на лбу
Я утверждаю, что — невинна.

Пересмотрите все мое добро,
Скажите — или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей руке — лишь горстка пепла!

*(Марина Цветаева.
«Пригвождена...»)*

Как жалко выглядит стол, накрытый для не-
востребованного романтического ужина... Да,
очень жалко и грустно выглядит. Лучше и не
смотреть, не рвать сердце, не глотать слезный
комочек обиды и унижения. Да, именно так —
унижения! Потому что все старания, все на-
дежды, весь душевный подъем — все впустую.

Особенно обидно именно за него, за душев-
ный подъем. Страшно пережить в себе обрат-
ное его падение, очень страшно. Душа проти-
вится, сжимается болью — как же так, за что?
Я дрожала крылышками, я трепетала и дышать
не могла, я готова была лететь на огонь. Ведь
не зря на столе свечи стоят, ведь их зажечь
следует! Зажгите свечи, я лечу, лечу... И пусть
я сгорю в этом огне, но сгорю со смыслом.

Но ведь не зажгли. Убили душу. И девствен-
но белые ниточки фитилей на свечах — как

ВЕРА КОЛОЧКОВА

иглы, на которые упала-таки несчастная бабочка.

Невыносимо чувствовать за спиной этот праздничный стол. И нет больше сил ждать, и без того ясно — не придет. И хватит с превеличенным вниманием пялиться в телевизор, и лгать самой себе, что ничего страшного не происходит и не больно-то и хотелось.

Марта встала с кресла, развернутого к накрытому столу, выключила телевизор, подошла к окну.

Темно. Сумерки давно перетекли в ночь. Ветка тополя, набухшая апрельскими соками, лениво колышется под лаской теплого влажного ветра — скоро, совсем скоро появятся на свет бледные листочки-первенцы.

Марте показалось на миг, что ветка замерла от неловкости, словно попросила ветер остановиться в проявлении нежных чувств. Тихо, ветер, тихо. Не беспокой меня понапрасну. Видишь, какие печальные глаза у той женщины в окне... Жаль ее, бедолагу. Так старалась и трепетала надеждой, так готовилась, а он не пришел. Ей, этой женщине, тяжело теперь наблюдать за чужим весенним счастьем. Тихо, ветер, тихо...

Марта вдруг ясно увидела в темном окне отражение своего лица. Идеально правильного

В объятиях самки богомола

лица, ухоженного, без единой морщинки. Макияж — едва заметный глазу. Светлая копна волос лежит вольно, будто сама по себе так легла, без постороннего вмешательства. Да, хорошее лицо, хоть и обманное своим поддельным естеством. На первый взгляд — хорошее. А если присмотреться... О, если очень долго и внимательно смотреть на свое отражение... Вот они, демоны, уже вылезли наружу. Не спрячешь их — да и зачем? Пусть празднуют свою победу, сегодня их день. Вернее, ночь. Пусть блестят глаза печально-злым недоумением, а губы сжимаются так плотно, что вот-вот задрожат обидой — тоже печально-злой. Только вздохнуть один раз поглубже — и слезная истерика накроет с головой. Боже мой, до чего ты дожила, неужели это ты, Марта? Неужели действительно ты способна на слезную истерику по такому ничтожному поводу?

Ты, которая всегда играла мужчинами, как ловкий жонглер цветными шарами. Ты, которая не боялась ничего и никогда, которая шла по головам к своей цели, какой бы она ни была. Ты, которая получала от мужчин все, что хотела. И не только от мужчин, от всех, кто попадался на пути.

Да ты ли это, Марта?

Глава 1

Деничка

Апрельский вечер проник холодком в открытую оконную створку, Марта поежилась, обхватив себя руками, и тихо проговорила:

— Мы не простудимся, Оль? Тебе как, не холодно?

— Не-а... — так же тихо откликнулась Оля, с улыбкой глядя вниз, во двор, где мальчишки с криком гоняли футбольный мяч. — Давай еще немного посидим, ладно? Так хорошо весной пахнет... Слышишь?

— Неправильно ставишь вопрос. Что значит — слышишь, как пахнет? Запахи чувствуют, а не слышат.

— А я запахи слышу, потому что я романтик, а ты прагматик.

— Ага... Скажи еще, что ты Наташа Ростова.

В объятиях самки богомола

— Наташа Ростова? Нет, что ты... Хотя, в общем, да... Она, я думаю, тоже запахи слышала.

— Да ничего она такого не слышала, не придумывай за Льва Николаевича! А если даже и слышала, то это не отменяет правильности речи!

— Да, не отменяет. Но ведь ужасно скучно, когда все правильно, Марта.

— Тебе скучно, а мне нет. И вообще, я замерзла, могу простуду подхватить. Оно мне надо? Я всегда так долго болею, когда простужаюсь... Через месяц последний звонок в школе, а я буду вся бледная и в соплях.

— Ну, это не про тебя, Марта. Ты никогда не бываешь бледная и в соплях. Ты всегда красивая. В любом состоянии выглядишь на отлично.

— Завидуешь, что ли?

— Да прям! Ты ж моя подруга, чего я буду завидовать?

— Так подругам больше всего и завидуют — так моя мама говорит.

— Ну, знаешь... Это не про меня!

— Да ладно, не злись. Шучу я. Но простужаться все равно не хочу, хватит с меня весенней романтики.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Марта отдернула портьеру, изящно соскользнула с широкого подоконника, и Оле ничего не оставалось, как последовать за ней.

Они часто устраивали себе посиделки на подоконнике, закрывшись от комнаты плотной портьерой. Окна в доме были большими, подоконники широкими, и можно было вполне комфортно устроиться в этом пространстве вдвоем, сидя лицом к лицу и обхватив колени руками. И сидеть долго, секретничать. И пугать Олину маму, вернувшуюся домой с работы. Уж вроде привыкнуть пора, что они часто так сидят, а она все равно пугалась, услышав их тихие голоса из-за портьеры...

Квартира была однокомнатной, но довольно большой — Оле с мамой места хватало. Тем более угол у Оли был свой, отгороженный от общего пространства старым буфетом. В «своем» углу размещались тахта и письменный стол, и можно было хозяйничать, как Оле вздумается, то есть навешивать на оборотной стенке буфета афиши своих любимцев, некоторые даже с автографами, между прочим!

Вот певица Линда, например. Черные волосы, черный плащ, неестественно белое лицо, неестественная скрюченная поза. Смотришь, и в голове сама по себе начинает звучать не-

В объятиях самки богомола

много агрессивная мелодия — я ворона, я ворона... Олина мама, впервые увидев эту афишу, аж встрепенулась вся от испуга и руками отчаянно замахала: «Оля, убери немедленно эту страсть, еще накликаешь беду! Да разве можно на такое смотреть перед сном, кошмары замучают!» Они потом долго смеялись, вспоминая первую мамину реакцию.

А вот еще афишка — на ней сама Татьяна Овсиенко в кожаных шортах. Марта вздыхала завистливо, глядя на эти шорты — вот бы такие достать... «Да куда ты в них пойдешь, если даже достанешь! — искренне удивлялась Оля. — Дальше собственной квартиры все равно не выйдешь! Ты лучше на более доступный наряд замахивайся! Вон, смотри на другой афише какое платье у Людмилы Сенчиной красивое! Моей маме очень понравилось! Скромненько и со вкусом. Она вообще очень любит Людмилу Сенчину».

Марта лишь кивала головой снисходительно, делая вид, что соглашается. Но про себя думала: нет уж, дорогая подруга, скромненько и со вкусом — это не для меня. Дай только срок — и все будет. И даже кожаные шорты будут, хотя они вовсе не предел мечтаний! Что — шорты? Безвкусица, пошлость агрессивная

ВЕРА КОЛОЧКОВА

и одноразовая. Нет, относительно вкусов мы другим путем пойдем, тем самым, где слово «скромненько» ни одной нотой не звучит.

— Давай телевизор включим! — предложила Оля, снимая с экрана зеленую салфетку-ме-режку. — Вдруг что-нибудь интересное показывают.

— Да что там может быть интересного? — отмахнулась Марта.

Телевизор еще не вспыхнул черно-белым экраном, а в комнату уже прокрался бодрый и мягкий голос диктора «Новостей»:

— Мы ведем репортаж из Кремлевского Дворца съездов... Перед делегатами двадцатого съезда Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи выступает Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев...

— Ой, выключи ты эту галиматью, умоляю! — раздраженно махнула рукой Марта. — Слушать это не могу! Опять сейчас талдычить начнет про перестройку и гласность! Каждый раз одно и то же, хоть бы новенькое что-то придумал!

— Да ладно, я выключу, — пожала плечами Оля, — если тебе не нравится...

— А тебе нравится, что ли?

В объятиях самки богомола

— Не знаю. Но и раздражаться особо не вижу смысла. Если человек считает нужным что-то говорить, то пусть поговорит... Тем более он не простой человек, а Генеральный секретарь! И если он говорит про перестройку и гласность, значит, так правильно. Да и вообще, я нормальный человек, а не диссидентка какая-нибудь...

— Так и я не диссидентка. Просто сколько можно? Одно и то же, одно и то же... Неужели ему самому не надоедает, а?

— Ну, не нам с тобой об этом судить.

— А я и не сужу. Просто смотреть на это не хочу, вот и все.

Они замолчали, будто поссорились. В наступившей тишине стало слышно, как проворачивается ключ в замке на входной двери.

— Ой, мама пришла! — радостно подпрыгнула Оля, устремившись в прихожую.

Марта села на диван, поджала под себя ноги, стала слушать, как Оля с мамой радостно щебечут в прихожей, будто век не виделись. Потом взгляд ее лениво пробежал по обстановке комнаты, хотя чего нового можно разглядеть в той обстановке? То же самое все, изо дня в день, из года в год. Старый буфет, развернутый боком с целью создать «уютный угол для